

Саша Дэа

ПОСЛЕДСТВИЕ

Саша Дэа
Последствие

«Геликон Плюс»

2014

Дэа С.

Последствие / С. Дэа — «Геликон Плюс», 2014

Никто не виноват, что при прощании одному всегда тяжелее, чем другому. Он неосознанно взваливает на свои плечи грусть за двоих и, горбясь, начинает тащить. Кто-то выпрямляется за неделю, смахнув пыль с пиджака, кто-то за месяц, зализав рану, кто-то вовсе не сгибается – то ли от бесчувствия, то ли от равнодушия. А я где-то ошиблась. Где-то я потеряла время и благополучно начала тонуть в отчаяньи. Вы скажете, что я слабая?..

© Дэа С., 2014

© Геликон Плюс, 2014

Содержание

1	6
2	7
3	8
4	9
5	10
6	11
7	13
8	14
9	17
10	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Саша Дэа

Последствие

© Дэа А., текст, 2014

© «Геликон Плюс», оформление, 2014

* * *

Иначе расставленные слова обретают другой смысл, иначе расставленные мысли производят другое впечатление.

Блез Паскаль

Посвящаю книгу тем, кого люблю.

Удивительным, особенным, красивым, которые наполняют/ли мою жизнь.

Моё счастье – встретить, знать и чувствовать вас.

Данная книга является художественным произведением. Но любое сходство с реальными событиями – чистая правда.

Мне нравится это ощущение. Когда больше нет никаких запретов, когда можно не прятаться, не скрывать свою жизнь, не стыдиться своей слабости, своих удушающих истерик, когда можно признаваться в том, о чём следовало бы молчать, и при этом оставаться свободным. Всё имеет свой тон и своё очертание. У каждой мысли своя форма, и прошлое – это просто история, которую я могу рассказать.

Я смотрю на исписанные дни своей жизни, на людей, перечёркнутых или выделенных крупным шрифтом, и берегу их. Я умею беречь.

В твёрдом переплёте.

Превращая в литературу, ставя на полку, изредка пробегая по ним взглядом... и никогда не перечитывая.

1

У меня спрашивали:

– Как это произошло?

Спрашивали из любопытства, спрашивали из-за волнения, спрашивали просто так, иногда не спрашивали вовсе. А я никогда не знала, как отвечать на этот вопрос. Точнее, не очень понимала, что они хотят услышать и какие слова могут удовлетворить их нездоровую заинтересованность. Может быть, им хотелось знать, как обстоят дела по ту сторону сознания и какую таблетку следует принять, чтобы перестать видеть оранжевых зайцев? Ведь истории соседей о свадьбе, разводе, сломанной машине и очередном отпуске так надоедают. Детали этих своеобразных «выходных» казались им куда более занимательными. Впрочем, они умело прикрывались тактичностью, пытаясь поразить идеальным пониманием и желанием подсунуть свой исключительный совет. Но главное, после их наполняло греющее осознание, что кто-то менее здоров, чем они. Удивительно, как некоторые люди умеют изображать сочувствие, не испытывая при этом ничего, кроме радости за свою непричастность. Вне зависимости от того что их действительно интересовало, я всегда была беззащитна перед этим вопросом.

Мой внутренний страх, «прошлая Я» вылезали наружу и били тревогу. Мне ничего не оставалось, как спастись бегством. Я моментально впитывала любое неверное слово, произнесённое кем-то в непринуждённой беседе, и маяки из прошлого безжалостным светом прожигали меня. Я убегала. Я хотела потерять память. Я жалела себя. Я искала убежище, и это было тяжело.

Прошло достаточно времени, прежде чем я решила написать об этом.

Но даже сейчас вряд ли смогу ответить, в какой момент я утратила над собой контроль. Это случается слишком плавно и незаметно. Невозможно проследить, где начинается главная партия в этом безупречном оркестре безумства. Безумие окутывает, убаюкивает, и ты перестаёшь принадлежать себе. Безумие, как кто-то очень родной, очень заботливый протягивает к тебе свои мягкие руки, в которых ты так нуждаешься. И всё. Дальше ты оказываешься в объятиях, которые медленно тебя сдавливают. С каждым твоим неуверенным вздохом всё сильнее. Всё настойчивее.

2

В этом нет ничего героического – лежать в больнице.

Это только фильмы завораживают своей художественностью, и мир душевнобольных – их дом – выглядит совсем иначе. Он загадочен и, может быть, даже в чём-то манящий. Такая тонкая грань между экранным таинством и реальной жизнью, в которой мне приходилось каждое утро начинать с тарелки каши, которую невозможно есть из-за пустого и холодного вкуса.

Утренняя трапеза – что это было?

Больничная приверженность правильному питанию и забота о моей пищеварительной системе? Или экономия на крупах, по которым, я не удивлюсь, если не раз пробежали тонкие, суетливые лапки каких-нибудь заразных грызунов. Завтрак был настоящим испытанием. Каша за считанные минуты превращалась в отвратительную смесь, деревенела, оставалось только ковыряться в ней ложкой.

Нет ничего хуже больничных ложек. Я постоянно наблюдала, как кто-то запихивал её себе в рот, облизывая, оставлял остатки еды и своих слюней. Чёрт, в этом нет никакой поэзии.

Я отказывалась есть ложками. Единственный плюс – это то, что они хорошо гнутся. Можно было создавать разные композиции из согнутых ложек, и мне это нравилось. Весьма занимательная, но бессмысленная деятельность.

Вилки я люблю больше.

3

Это было время, когда я разучилась сочинять. В моей голове не существовало ни одного предложения. Я помнила русский язык, но с трудом излагала свои мысли и больше не могла писать. Творчество внезапно собрало свои вещи и благополучно вышло за пределы больницы. Оно вышагивало по улицам свободно и безразлично, совсем не навещая меня. Никакого союза: творчество было чьё угодно, но только не моё.

Я была в панике. Хотя в моём положении паника – это типично.

Я просила принести мне бумагу и ручку. Ручку мне не положено, сунули карандаш. При этом цветной. Зелёный. Добрый зелёный карандаш. После того как пациент X, о котором я только слышала, но никогда не видела, сгрыз несколько заранее спрятанных стержней ручек, тем самым вызвав у себя какое-то серьёзное раздражение горла и желудка, карандаш считался безопасней ручки. Бумагу мне пожадничали, дали всего пару листов, правда, стоило мне их все измалевать, как выделяли новые листы, поддерживая моё рисование. Рисование было безопасным занятием, а значит, правильным. Но рисование меня мало интересовало. Я часами, словно медитируя, смотрела на белые прямоугольники, как будто они обязаны были дать мне ответ. Мне казалось, что если сидеть перед листом, то непременно должно родиться откровение, но я ошибалась. Изредка с псевдовоодушевлением калякала зелёные узоры и записывала отдельные куски мыслей, которые были настолько примитивны и несвязны, что я отказывалась верить в то, что они были написаны мной. Насильственное творчество точно так же, как и выращивание кукурузы в СССР, не даёт никаких результатов.

4

После того как я начала резаться бумагой, мне перестали её приносить.

Нет, я не трогала руки. Во мне сохранялась любовь к рукам. В руках была тайна, которая меня завораживала.

Я резала внутреннюю сторону бедра. Это больно. Мне просто хотелось боли. Я получала удовольствие, когда на несколько минут мой разум переключался на физическую боль. Меня перевели в наблюдательную палату – специальная палата для агрессивных. К разряду агрессивных я себя не относила, но главврач решил иначе, и мне пришлось делить личное пространство с суицидниками, враждебными, неадекватными и теми, кто нуждался в постоянном уходе. В палате было десять коек, которые никогда не оставались свободными. Спокойное поведение было главным условием для выхода в общее отделение, но оставаться спокойным в подобном окружении было довольно-таки сложно. Я засыпала, и кто-то орал, я просыпалась, и кто-то орал, я просто лежала, и кто-то орал, и не за стеной, не на улице, не в коридоре, а вот тут, передо мной – привязанный ремнями к постели и теряющий рассудок.

Первый и второй день я тоже была привязана. Правда, в этом не было особого смысла: бежать я никуда не собиралась, хотя бы потому что бежать мне было некуда, а несколько порезов на бёдрах ещё никого не отправляли на тот свет. И всё-таки эти грозные ремни предназначались и для меня. Быть привязанным – это вовсе не страшно. Только неудобно жутко. Лежишь такой получеловек, ничего собой особо не представляя, кроме куска некой шевелящейся и доставляющей проблемы массы. Но несмотря на, казалось бы, безрадостную картину, здесь мне уделяли много внимания, делая мгновенные уколы, которые уносили меня в другое пространство. Не знаю, сколько времени я провела в этих потаённых мирах сознания, в которые окуналась в поисках ответов и ключей к собственной Вселенной, сколько жизней прожила в этих мирах и были ли это жизни. Я не знаю, кто из людей являлся настоящим, а кто – моим попутчиком в иной реальности.

Надолго здесь не задерживали. Во-первых, всё время прибывали новые бунтари, а во-вторых, после нескольких дней активной «оздоровительной» терапии даже самый неадекватный персонаж становился весьма безобидным. Поэтому, повесив на меня ярлык «безобидный», из наблюдательной палаты меня перевели на второй этаж – средний по тяжести. Он был лучше, чем первый, где общие палаты вмещали в себя до двенадцати человек, а находилось там обычно около пятнадцати. И лучше, чем третий этаж, где размещались тяжёлые больные. Их лечением никто особо не занимался. Главной задачей было не допустить рецидива их первоначального состояния. Оттуда вечно доносился грохот, топот и прочие прекрасно слышимые звуки. Потолок трясся, как будто бы наверху постоянно шли ремонтные работы.

Меня положили в двухместную палату, в которой, правда, была только одна кровать – моя. По больничным критериям – настоящий номер люкс, и чем я его заслужила, так и оставалось неясным. Впрочем, на тот момент меня мало волновало, где лежать. Это потом я узнаю, что второй этаж пару лет работает в режиме экспериментального: там наблюдают, как протекает лечение, если человека держать не в общих палатах, а в более ли менее приемлемых условиях. То есть мне просто повезло. Насколько это возможно в данном контексте, но мне действительно повезло. На втором этаже было свободное передвижение по коридору, два туалета, душ, не покрытый плесенью, развлекательная комната, включающая в себя телевизор, библиотечный уголок, столы, мягкие кресла и настольные игры, в которых фигурки всегда были сделаны из еды – на случай если кто-то захочет запихать её себе в рот от злости, от радости или просто так.

5

Однажды в этой развлекательной комнате медсестра украшала стены мишурой, воодушевлённая предновогодней суетой. Новый год имеет особенность специфически влиять на людей, зомбируя все их действия и мысли, указывая им одинаковые маршруты в магазины и неизбежно наделяя людей гипертрофированной добротой. Скорее всего, эта медсестра под воздействием гипнотической силы сего торжества действительно хотела облагородить наши блёклые дни и порадовать нас – бедняг, брошенных на растерзание безумию, и с её стороны это похвально, но это совсем не то, что нам нужно. К ней подошёл один из психиатров – человек, давно развивший иммунитет перед новогодними чарами.

– Вы что?! Новый год здесь затеяли? – рывкнул он и с недовольным видом снял украшение. – Мишура – это не безопасно.

– Но... на ней же нельзя повеситься... – виновато и растерянно ответила женщина.

– Да, но её можно съесть.

На этом разговор был окончен. Так мы остались без Нового года и без этой медсестры.

Очень важно понять, что психиатр – это не психолог. Это первое правило, которое нужно уяснить. Душу не поизливать. Тут нет времени на подобную сентиментальность. Тут таких особенных и исключительных, как ты, – целых пять отделений. Покуривая трубку своего величия, штудируя талмуды научной литературы и преклоняясь перед великими умами, психиатры плевать хотели на сложность и (о боже!) глубину твоей души. Они бессильны перед большой душой и, не находя подходящих слов, пичкают её таблетками, умея лишь уводить в детство, в юность и в старость, бессмысленно путешествуя по просторам твоей жизни, словно по музею, в котором можно смотреть, но запрещается трогать.

Эти обнажённые люди, распаханные по палатам, как нельзя лучше указывают на то, что не существует помощи как таковой. Существует лишь счастливый случай, в котором можно в непредсказуемых условиях встретить человека, который действительно сможет разгадать тайну твоей души и помочь тебе, но это как выиграть крупную сумму в лотерее. Вероятность минимальна. Это как столкнуться со своим ангелом-хранителем в человеческом облики.

6

Рядом со мной жила одна женщина.

Я прекрасно помню погоду в тот день, когда мы познакомились.

Она зашла ко мне в комнату. Встала возле окна.

– Смотри, какой снег! Сказочный.

– Что? – переспрашиваю я.

– Снег, говорю, как в сказке. Такой воздушный, мягкий, потрясающий в своей лёгкости.

– Какая сказка? – не понимаю я, о какой сказке может идти речь в подобных обстоятельствах. – Вы издеваетесь?

– Нисколько, – она смотрит на меня очень строго. – Я никогда не издеваюсь.

У меня не было ни единого шанса проигнорировать её слова, поэтому я покорно поднимаюсь с кровати, подхожу к подоконнику и смотрю на снег.

– Первый в этом году, – говорит она. – Первый – он самый чистый. И я люблю его за его чистоту.

– Как вас зовут? – интересуюсь я у гостьи, которая столь непринуждённо передвигается по моей палате.

– Моё имя – это ошибка.

– В каком смысле?

– Иногда людям дают не их имена, и им приходится жить всё время с чужим именем, а это очень утомительно. Я откликалась когда-то на данное имя только потому, что так хотели мои родители. Вот тебя как зовут?

Она всё произносит неторопливо и слегка театрально, но эта театральность не переплетается с фальшью. В психиатрической клинике в принципе не существует понятия «фальшь». И всё, что в реальной жизни может показаться наигранным, здесь выглядит абсолютно естественным.

– Саша.

– Алексаандра, – протягивает она, глядя в моё лицо. – Да, твоё имя! Видишь, как тебе повезло. Тебя с рождения зовут истинно, – торжественно констатирует она, словно эту информацию следует записать в личное дело. – Так приятно видеть человека с настоящим именем.

– Это редкость?

– Ты спрашиваешь, редкость ли? Конечно. Чужие имена встречаются чаще. Люди с ума и сходят, потому что отзываются не на то, – она на секунду задумывается, – не на то имя, не на то чувство, не на то действие. Имя должно увлекать, открывать, украшать, в конце концов. Ходят бедные породистые псы с дворовыми кличками.

Я не до конца понимаю масштабность её слов, но они определённо мне нравятся.

– И как мне вас называть?

– Как хочешь, – легко отмахивается она. – Как почувствуешь.

Я внимательно смотрю на неё. Здесь, у окна, при естественном свете, я без труда могу рассмотреть гостью. Её тёмно-зелёные глаза, искусно украшенные морщинками, на фоне бледной кожи напоминают мне о малахите. Волосы ниспадают густыми, благородно-седыми локонами. Балетная осанка и утончённые манеры. Я не дала бы ей больше сорока пяти, но в ней чувствовались возраст и знание. Не тот возраст, который вызывает в нас сочувствие и ностальгию об ушедших годах, а тот возраст, перед которым мы преклоняем голову, пленённые красотой и мудрым спокойствием. Мне кажется, что она своими практически правильными чертами лица очень похожа на меня, точнее, я – на неё. И я задумываюсь о том, что если стареть, то только так.

– Я чувствую с вами связь.

– Это хорошо, – отвечает она и направляется к выходу так же неожиданно, как и появилась.

– Вы уходите? – взволнованно спрашиваю я, не готовая к столь внезапному завершению беседы.

– Я приду ещё. Ты чего так перепугалась? – удивляется она. – У тебя же есть друзья?

Я молчу.

– Здесь у всех есть друзья, – продолжает она. – Иначе тут не выжить. Вот хотя бы этот снег – чем тебе не друг?

Я не стала спрашивать, издевается она или нет. Я восприняла её слова всерьёз.

7

Помнила ли я, как выглядят мои друзья? Неожиданно все, кого я могла ждать, оказались слишком заняты, или слишком далеки, или слишком не осведомлены. Мой почтовый голубь сидел смиренно, не понимая, в каком направлении ему лететь. Однако меня мало интересовала дружеская поддержка в виде жалости, которая вряд ли может принести пользу. Оказаться в психиатрической клинике – это как оказаться на своих похоронах. Люди смотрят на тебя с такой печалью, что невозможно чувствовать себя живым. И чем ты моложе, тем сильнее искажено их лицо скорбью. А ещё весьма интересно следить за тем, кто, как и в чём придёт. Или не придёт. Всё как-то не по пути.

Палата, кровать, решётки и замедленность времени сыграли свою роль и полностью отделили меня от действительности. Я чувствовала себя зверьком в зоопарке. Впрочем, это было нормально – быть зверьком. Я просто не знала, как быть кем-то другим. Та жизнь, которая окружала меня ДО этих стен, испарилась. Я ощущала её как прочитанную когда-то книгу или как увиденную однажды картину. Сторонний наблюдатель. Я настолько была не готова жить со своим прошлым, что мне было проще сделать попытку отказаться от него. Но в моей личной карте было написано всё что угодно, только не амнезия. Договориться со своей памятью не представлялось возможным. Правда, в больнице через несколько недель я начала замечать, что местами целые куски действий, мыслей просто отсутствуют. Словно кто-то вырезал снежинки из моей памяти, оставляя узорные дырки. Но это всё касалось настоящего. Прошрое оставалось нетронутым.

8

Механизм больницы работает как швейцарские часы. Каждому действию предписано своё время. Изю дня в день эти действия повторяются, делая дни неотличимыми друг от друга. Вечером ровно в полдевятого открывается дверь моей комнаты и на пороге появляется женщина в белом халате. И тут возникает некое разнообразие: халат либо обнимает плечи светло-волосой и грубоватой девушки, чуть младше меня, которая явно занимается не своим делом, либо отчаянно пытается удержаться на плечах крупногабаритной дамы, от которой постоянно воняет кошками. Запах такой сильный, что спирт на вате является единственным спасением, правда, ненадолго, и после ухода этой медсестры ещё какое-то время сохраняется ощущение пребывания в моей палате кошачьих из разряда невоспитанных и неотёсанных особей. А иногда халат приносит праздник в облике хрупкой, миниатюрной женщины с добрыми глазами и тихим, успокаивающим голосом, с которой мне всегда хочется чем-то поделиться. Но в данных условиях нам не до болтовни – она не имеет права сбиться со швейцарского графика, и через пару минут ей необходимо открыть дверь следующей палаты и порадовать собой уже кого-то другого. В любом случае, мне нравится эта чёткость во времени: всегда знаешь, к какому моменту нужно быть нормальным.

Но сегодня моя дверь открылась значительно раньше установленного времени. Вместо медсестры с очередной партией уколов ко мне зашла Ника.

Портрет № 2.

С Никой мы прожили два года. Несколько лет назад мы расстались. Расставание было стремительным и неожиданным. Странно, но иногда случаются расставания, к которым ты совсем не успеваешь подготовиться. Ты возвращаешься из магазина с тяжёлым пакетом продуктов, думаешь приготовить особенный ужин, ведь так давно у вас не было вечеров с домашней едой – всё какие-то перекусы да фаст-фуд. Ты хочешь порадовать, рассказать, как прошёл день, и, может быть, сказать что-то важное. Ты заходишь домой, закрываешь дверь, бросаешь кулёк, включаешь свет – и вот именно в этот момент, ты чувствуешь, что что-то изменилось. Как будто атмосфера или воздух стали другими. И тишина. Поразительная тишина. Ты прямо в ботинках проходишь в глубь квартиры и ничего пока ещё не понимаешь, только ощущаешь, что чего-то не хватает. Чего же? Вроде бы всё на своих местах. Мебель, вещи, сувениры, всё тот же бардак... Требуется несколько минут, прежде чем становится ясно, что не хватает любви. Да, конечно, вы говорили о том, что стоит пожить отдельно, изменить привычный ход будней, немного отдохнуть друг от друга, невероятно соскучиться и благополучно продолжить совместное бытие, но тут ваши отношения словно сбивает машина, и ты по большому счёту ничего не успеваешь сказать или сделать. Пакет так и остаётся в коридоре, точно так же как в тебе остаётся отпечаток неожиданности и неизбежности.

Я часто прокручивала в голове варианты того, как мы могли бы встретиться, что на мне будет надето, что я ей скажу. Хотелось быть положительным героем с умудрённым взглядом и гордо поднятой головой. Женщиной-мечтой в вечернем платье, с аккуратно забранными волосами, утончёнными руками и изысканной шеей. И вот она стоит передо мной, я потерянная сижу на кровати, и это совсем не похоже на то, что я представляла.

– Я узнала, что ты здесь. Прохожу практику, случайно увидела тебя в документах, – она смотрит на меня с неопишуемой грустью.

– Кто вы?

– Ты не хочешь меня видеть?

Я очень хочу её видеть. Тут, в этой палате, спрятанная от людей, от города, мне так хотелось рассказать ей о сумасшествии и одиночестве, о безысходности, о страхе и гневе. Я так давно не чувствовала её рядом. Она – такая далёкая, но невероятно родная. И если бы мой организм не был заполнен до предела лекарствами, я не смогла бы быть столь отстранённой, я бы кинулась ей на шею, заплакала и попросила никогда меня не оставлять.

– Послушайте... – говорю я.

– Да?

– ...осенью Питер покрыт тайной и печалью. Жёлтый и серый цвета сливаются в интересную палитру красок, и от этого он становится ещё прекрасней. Время, когда хочется думать о вечном, бродить по улицам одному, но с условием, что кто-то обязательно ждёт дома, пусть даже кошка. Важно, чтобы дома осень превращалась в уютный плед и в родной взгляд. Вы понимаете, о чём я?

– Да.

– Ладно, это всё лирика. На самом же деле мне хотелось сдохнуть. Пустота. Вакуум. Одиночество. Отрешённость. Дикость. Никаких кошек, пледов, никакого родного взгляда. Спать одной на этой большой кровати, кутаться в жалкий кусок одеяла, который совершенно не греет. Разговаривать вслух или про себя, представляя, как тебя слышат и непременно (непреренно!) думают о тебе. Я повторяла:

Родная, мне больше не спится. Мне бывает страшно, и я включаю ночник. Лежу с открытыми глазами, лежу с закрытыми глазами, вовсе не лежу. Мне невыносимо ночью, потому что я не знаю, куда спрятаться от мыслей, от образов, преследующих меня. Приходи.

Пожалуйста.

Я буду лучше для тебя, как ты хотела.

В этом одиночестве не было ничего, кроме боли. Это не та свобода, в которой происходят чудеса. Это разрушающее чувство незавершённости, недосказанности, когда разрывает от невозможности услышать любимый голос. Дни становятся бесконечными. Одинаковыми. Постепенно дни начинают плесневеть.

Я возвращалась домой. В этот дом, полный наших запахов, наших историй, наших вечеров, наших недосмотренных фильмов. В этом, наверное, есть неотъемлемая прелесть съёмного жилья, в котором можно оставить часть памяти и освободиться, но у меня не получилось, и я оказалась заложником своих ассоциаций, своих представлений.

Любовь должна терпеть. Иначе это уже не любовь. Так, одно название.

Позвонить. Что может быть проще? Набрать номер, который пальцы помнят наизусть.

Но нет.

Мы не в том времени. И не в том месте.

Нам не двадцать лет, когда можно бегать кругами, устраивать скандалы с чётким намерением уйти, хлопнуть дверью и возвращаться через несколько дней, после первой же тоски. Нам столько лет, когда «не люблю» – это «не люблю», и это не что иное, как путь в разные жизни.

Никто не виноват в том, что при прощании одному всегда тяжелее, чем другому. Он неосознанно взваливает на свои плечи грусть за двоих и, горбясь, начинает тащить. Кто-то выпрямляется за неделю, смахнув пыль с пиджака, кто-то за месяц, зализав рану, кто-то вовсе не гибается – то ли от бесчувствия, то ли от равнодушия. А я где-то ошиблась. Где-то я потеряла время и благополучно начала тонуть в отчаянии. Вы скажете, что я слабая?¹

¹ Мой психотерапевт № 6 назвал эту историю обманутым ожиданием. Конечно, он понимал, что мне было больно, страшно,

Ника медленно подходит ко мне, садится напротив, берёт мои руки и целует их. Лёгкое прикосновение губ привело меня в смятение, и тело покрылось мурашками.

– Тебе холодно?

Раньше этот вопрос показался бы мне смешным. Она же прекрасно знает, что дело не в этом. К тому же батарея шпарит, как ненормальная. Но сейчас её вопрос звучит приятно и трогательно. Ей осталось только снять со своих плеч халат и укрыть меня, как в банальной слезливой мелодраме.

– Нет, не холодно. Просто неожиданно.

Неожиданным было всё: её появление, её нахождение рядом, её прикосновение. Неожиданным было и то, что помню наше прощание так отчётливо. Слова, накопленные, отшлифованные временем, сами выстроились в нужном порядке, словно выученный наизусть монолог из спектакля, который проигрывался сотню раз. Чувства всегда найдут выход. И мы ждём. Звёздного часа нашего монолога.

– Прости меня, – не отпуская моих рук, произносит она. – Хорошая моя, прости меня. Я не хотела, чтобы было так.

И тут очень важно понять нужно ли человеку прощение или это просто формальность, которая слегка подчищает совесть? Насколько в действительности человек сожалеет и чувствует ли причастным себя к подобному повороту судьбы, произнося словосочетание «прости меня»?

– ...

– Прости меня.

Ну вот, опять. Легче ли ей от этого? Легче ли мне от этого?

– За что вы просите прощения? Я пережила это достаточно давно.

– Прости меня.

Здесь, сидя передо мной на коленях, она видит, как я теряю себя.

– Не смотрите на меня так печально.

Она пробует улыбнуться в ответ, что получается у неё весьма неубедительно. Это невозможное чувство отчаяния – видеть родного человека, который неудержимо приближается к сумасшествию.

– Я могу что-то для тебя сделать? – спрашивает она, хотя прекрасно понимает, что консультировать меня не может – нас связывает слишком многое. Она, разбирая сложные ситуации людей, слушая их исключительные, но так похожие друг на друга драмы, не знает, как помочь мне.

– Принесите мне мандарины, – прошу я.

тяжело, и ни в коем случае не хотел обидеть таким названием. Он тактично и весьма подробно мне объяснил, что страдания мои были не столько по человеку, сколько по сломанной мечте. Когда любовь в голове «строится» по одной схеме, а в жизни всё давно уже разворачивается по другому сценарию. Ты упираешься ногами, руками, мыслями в человека, а упираться нужно исключительно в мечту, которую следует пересмотреть. И корректировать.

9

Она приносила мандарины. Мне полезен витамин С. Апельсины мне не нравятся чистить, а мандарины вкусно пахнут. Правда, сейчас я не ем мандарины и не люблю оранжевый цвет, потому что он напоминает мне о больнице. В разговорах, тестах и терапии постоянно присутствовал оранжевый цвет, ибо он считался позитивным, наполняющим энергией и поднимающим самооценку. В общем, не цвет – а чудо какое-то. Но через пару месяцев подобного цветового воздействия оранжевый ассоциируется исключительно с психушкой. А ещё одни из таблеток, которыми меня кормили, тоже были оранжевыми.

Я ждала Нику каждый день. Меня отвлекали на обед и ужин, на элементарный досуг, на уколы и иногда на обход врачей. Периодически меня навещала женщина из соседней палаты, скрашивая моё ожидание, томление и одиночество. Я всегда была рада ей, так как она умела появляться в нужный момент, как будто у неё в палате был установлен монитор, на котором всё время отображалось моё состояние. Стоило мне только столкнуться с очередным приступом – и если не успевали врачи, то успевала она. Поздними вечерами, когда передвижение было запрещено, мы сидели, облокотившись на стены своих комнат, и разговаривали через каменное препятствие, которое для нас не являлось какой-либо преградой, чтобы чувствовать друг друга. Я отчётливо ощущала, что она совсем близко, и чем чаще прислушивалась к её речам, тем спокойней мне становилось.

Всё остальное время я проводила у окна в ожидании Ники. Ко мне приходил кто-то из прошлого, могла ли я желать большего? Окно было всего лишь символом, оно выходило во двор и открывало вид на обшарпанную стену соседнего корпуса. Но тем приятней было появление Ники. Я, неотрывно глядевшая в пустоту, слышала, как она заходит в палату. Узнавала её по шагам и по запаху мандаринов. Больше, конечно, по запаху. Шаги в больнице у всех очень похожие – мягче, чем обычно. Ника часто задерживалась, поздно её не пропускали, в какие-то дни она вовсе не появлялась, и мне казалось, что она больше не придёт. Боялась ли я потерять её второй раз? Возможно ли потерять человека, который однажды уже покинул тебя? И почему так страшно от этой мысли? Всеми допустимыми способами я старалась скрыть свою необходимость в ней. Никогда не спрашивала, придёт ли она в следующий раз, никогда не расплывалась в приветливой улыбке, равнодушно благодарила за фрукты и ослабленно вела с ней малосодержательные диалоги.

10

– Ты постоянно кого-то ждёшь, – констатировала однажды дама без имени, к которой я ещё не придумала, как обращаться.

– Да, Нику.

– Зачем?

– Она приносит мне мандарины.

– Она сама их выращивает?

Я игнорирую этот глупый, как мне кажется, вопрос.

– Она сама их выращивает? – повторяет моя гостья.

– Нет! – раздражённо отвечаю я. – Обычные, наверное, мандарины. Из магазина!

– Тогда какой смысл в том, что она тебе их приносит? В этих мандаринах нет ничего, кроме сочувствия. Ты питаешься её жалостью. А вот если бы она сама их выращивала для тебя – в них была бы любовь.

– Полагаете, от того, что вы говорите, мне станет лучше?

– Нет.

– Зачем тогда вы мне это говорите?

– Тебе не нужно больше ждать Нику.

– А кого мне ждать?

– Да никого не жди, – произносит она безмятежно, словно «никого не ждать» и вправду проще простого. – Знаю, одиночество разъедает, как серная кислота. Я не говорю про познание себя и ценные минуты наедине с самим собой. Я говорю о чёрной дыре, которая неудержимо засасывает тебя. Тут практически все в таких дырах. Когда не остаётся дорогих людей и ты не можешь понять, куда делся тот, кто был так близок, тот, кого ты впустил в себя, тот, с кем проходила твоя жизнь, тот, кого ты понимал и кто понимал тебя. И вы смеялись вместе. Да, вы обменивались чем-то очень ценным, очень родным. Вы обнимали свои души и целовали сердца. Вы шагали по одной дороге, любили кататься на трамвае, летом устраивали пикники, а проходя мимо пекарни на той улочке, наслаждались запахом свежеиспечённого хлеба, вы праздновали дату своего знакомства, ловили себя на меланхоличном настроении в дождливые вечера и не представляли, что когда-то может быть по-другому, но... люди уходят. Всегда. Если уходят не люди, то уходишь ты. Кругоуход людей в природе, – она рисует пальцем в воздухе невидимый круг.

– ...

– ...

– Вы тоже уйдёте? – спрашиваю я.

– Не бывает вечных людей, – с не свойственной ей мягкостью продолжает она, – люди – как волосы. Имеют три фазы нахождения в нашей жизни: фаза активного роста, фаза регрессивных изменений и фаза покоя. Они выпадают, и это часть естественного процесса замены старых на новые. Некоторые седеют, ломаются, секутся. Но у всего есть свой цикл. Бесконечность – понятие, свойственное лишь математике.

– Фаза покоя... – повторяю я. – Можно было бы назвать «фаза смерти», но фаза покоя... так звучит спокойно. Каждый человек ушедший достигает в нас фазы покоя...

– Всё правильно. Ты же не оплакиваешь свой упавший волос, отживший цикл? – улыбается она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.